

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА***Бескровная Елена Наумовна***

канд. филол. наук, преподаватель

ВУЗ «Международный гуманитарно–педагогический

институт «Бейт–Хана»

г. Днепропетровск, Украина

ВЕЧНЫЙ ЖИД ГУСТАВА МАЙРИНКА

Аннотация: в своей статье «Вечный Жид Густава Майринка» автор рассматривает творчество немецкого писателя именно с позиции иудаизма. Традиционно принято считать, что иудаизм не характерен для данного немецкого писателя, но тем не менее его произведения, раскрывающие трагедию единичного человека, фактически противостоят миру ортодоксального кагала Польши. Обреченность мира и тема Вечного Жида – вот основная тема мировидения Густава Майринка.

Ключевые слова: Вечный Жид, трагедия маленького человека, мир ортодоксального кагала Польши.

О Густаве Майринке Осип Мандельштам писал: «Стилизируя сложные исторические отношения, автор упрощает их до анекдотических интриг. Лишенный живости Дюма, он равняется по нему в изображении характеров.

Действительность врывается в условную ткань «исторического романа» в виде экономической и политической мотивировки тогдашнего увлечения алхимией, но мотивировка эта очень слаба.

Исторический фон – картонный. Читается не легко» [3, т.3, с.153].

«Свой первый рассказ, опубликованный в 1901 году журналом «Симплициссимус», этот появившийся на свет 19 января 1868 года внебрачный сын барона Карла Варинблора фон унд цу Хемминген и известной актрисы Королевского баварского театра Марии Вингельмины Алельхайд Маер подписал несколько измененной фамилией предков по материнской линии – Майринк – и за

неполные тридцать лет литературной деятельности оставил сравнительно небольшое, но поистине беспрецедентное по своей загадочности наследие, с которым литературоведы до сих пор не знают, что делать. В самом деле, эти исполненные черного юмора рассказы и завораживающие темной энигматикой романы, словно издевались над современными потомками Адама, немалая часть которых всерьез и, надо сказать, не без основания, уверена, что произошла от обезьяны, неизменно ставят в тупик их рационалистическое – «гомелитическое!» сознание, так что любые попытки вписать творчество этого уникального австрийского автора в прокрустово ложе какого-либо общепринятого жанра изначально обречены на провал.» – писал о Густаве Майринке известный современный литературовед Владимир Крюков [1, с.5–6].

Вот такие противоречивые мнения о Густаве Майринке.

Несмотря на весь мистицизм как самого Густава Майринка, так и его романа «Голем» каждый из читателей видит в нем своего Голема и свое состояние души.

Можно связать Голема не столько с единичной личностью, сколько со скитающимся еврейским народом – Вечным Жидом – гуляющим по миру в преддверии надвигающейся чумы фашизма Австрии 30–ых годов прошлого века.

Маленький сюжет о докторе Виоле, скрывающемся под именем Ватрум, всю жизнь в поисках заработка, издевавшегося над зрением людей и выдающего себя за доктора Сиваоли – это не только не единственная канва произведения, но и состояние еврейского народа того периода, молчащего накануне событий Холокоста. Законопослушный еврейский народ Австрии и Германии, по мнению Майринка, подобен Голему:

«Я хочу кричать – и не могу. Ледяные костлявые пальцы влезают мне в рот и, грубо отогнув мой язык, пытаются его, словно кляп, запихнуть мне в глотку, так, чтобы я не мог издать ни единого звука. Видеть эти призрачные персты я не могу, знаю только, что они незримы, но зато очень хорошо чувствую их материальную силу» [2, с.108].

Майринк идет от обратного, пытаясь с позиции народа, мировоззрение которого не связано с рациональным познанием мира, разобраться в трагедии ХХ

века и в том, что породило фашизм. Его отголоски он ищет в Каббале. Его герой, Густав Пилат, живет в гетто и условия ужасов Небытия, переплетаются с условиями ужасов жизни мира страхов и упреков, постигающего мир Каббалы:

«Постигать дух буквы, а не просто считывать слова со страниц книги, родить в себе того всеведущего двойника, который истолкует мне темные речения инстинктов, – вот где сокрыт ключ к безглагольному языку собственного Я.

«Есть у них глаза, но не видят; есть у них уши, но не слышат» – вспомнились мне слова псалма вышним подтверждением этой внезапно вспыхнувшей в моем сознании мысли.

«Ключ, ключ, ключ» – машинально шептали губы, пока я, ошарашенный страшным озарением, лихорадочно пытался уяснить для себя этот непонятный мне самому смысл, открывающий врата собственного Я?...» [2, с.140].

Владимир Крюков писал о «Големе»: «В «Големе» и в своих последующих произведениях Майринк пользовался традиционной доктриной, рассматривающей человеческую личность не как самостоятельное, автономное Я, а как манифестацию некой высшей сущности – так называемого «гения рода» (с.13).

С этим утверждением можно и поспорить, но не в «гении рода» лежит особенность постигающего Каббалу Майринка, а в том, что он ее, эту Каббалу, пытается приобщить к миру сегодняшнему и освободиться от обочки так гнетущего его Бытия с его проблемами, слезами и страхами. Он сравнивает себя со сверхъестественной силой и в тоже время хочет вступить с ней в диалог:

«При виде этой величественной картины во мне что–то подвиглось, казалось, сдвинулась тяжелая могильная плита, и вот уже из глубины души, как из разверстой гробницы прежней жизни, стала исподволь заниматься какая–то блаженная, ни на чем не основанная и тем не менее абсолютно несокрушимая уверенность: воистину, под внешними грубыми формами окружающей действительности затаилось нечто до того живое, трепетное и драгоценное, что стоит только разрушить колдовские оковы, тяготеющие над этой неизреченной красотой, и сей ветхий мир чудесным образом преобразиться и, сбросив свою мертвую косную оболочку, воскреснет к новой жизни» [2, с.377].

Но Майринк в общем противоречив и размышления о сущности Бытия не приводят его к радости, а, наоборот, как и у Вечного Жида – Агасфера ведут к отрицанию жизни, к ее отчуждению и общеизвестная фраза Эклизиаста «Все суэта, суэта – бесполезная» находится в контексте взаимосвязи с понятием «бесполезности существования» в его рассказе «Майстер Леонгард»:

«Воздвигнута трудами
строительных дел майстера
смирненного Якоба де Витриако.

Леонгард стоял ни жив, ни мертв – сейчас, когда ему открылся секрет плетения тончайшей паутины, в хитроумные силки которой уловлены все вещи этого мира, он не знает – плакать или смеяться: таинственный гройсмистер, которого он искал всю жизнь – это имя какого-то неизвестного каменщика! Сколько бессонных ночей провел он в юности, глядя на это орудие кровавого преступления и не замечал, слепец – а ведь видел, видел! – выгравированного на нем имени! Так вот за кем он шел – слепец, слепец! – все эти долгие годы, вот тот невидимый мир, который провел его по кругу посвящения! И теперь, когда с глаз Леонарда сняли повязку и очи неопфита отверзлись для нового света, майстер лежит у его ног, от него остался пустой звук, три ничего не значащих слова, ибо с окончанием кругосветного путешествия, когда круг замкнулся и тайная страсть души, влекущая вернуться в исходную точку, исполнилась, закончилась и миссия Якоба де Витриако...

Пред взором майстера Леонгарда проходят последние годы жизни: он отшельником обретается на руинах бытия, не снимая с себя власяницы, изготовленной из грубых одеял, которые ему удалось отыскать на пожарище; очаг он сложил из обломков кирпича.

Люди, которые время от времени, заблудившись, выходят к часовне, кажутся ему бесплотными, как привидения, и только когда он вбирает их образ в магический круг своего Я, они оживают, обретая в нем бессмертие.

Формы бытия для него все равно, что изменчивые облака: многообразны, а в сущности – испарения, не более...

Вечное возвращение души, странствующей сквозь непроглядную пелену земной жизни, назад – к смерти... [2, с.379–381].

Человек в этом мире становится иногда рабом обстоятельств, перестает думать и его жизнь приобретает изуродованные формы. Не это ли в преддверии «Хрустальной ночи» хотел сказать умирающий Майринк и не это ли толкнуло Франца Кафку на создание своего рассказа «Превращение».

Вечный Жид за свои грехи, также, как и еврейский народ блуждает по Вселенной и никак не обретет покой.

Список литературы

1. Крюков В. Произведение в алом. – //Майринк Г. Голем. Избранные рассказы. – Москва: ЭКСМО, 2010, с.5–28.
2. Майринк Г. Голем. Избранные рассказы. – Москва: ЭКСМО, 2010
3. Мандельштам. О. Полное собрание сочинений и писем в трех томах. – Москва: Прогресс–Плеяда, 2011.